

Ван Мучуань всегда был остр на язык. Даже в беседе с незнакомцами он не знал, что такое «сглаживать углы», и умудрялся невзначай нанести смертельную обиду десятку-другому людей, чьих имен потом даже не мог вспомнить.

Но язвительность второго господина Вана всегда основывалась на голых фактах. Он редко выносил суждения о вещах, в которых не был уверен. Поэтому Хэ Гу, поначалу не придав значения его словам, спустя мгновение почувствовал, как сердце тревожно екнуло.

— Почему ты так говоришь, братец? С чего ты это взял? — поспешно спросил он.

— В нашей династии выбор фума хоть и подчинен строгому уставу, — начал Ван Мучуань, — но правила эти касаются прежде всего происхождения, внешности и нрава кандидата. Во времена основателей империи в мужья принцессам и вовсе брали потомков верных соратников, не глядя на их таланты. А теперь вспомни: то, что устроила сегодня Палата внутренних дел — разве это похоже на обычный отбор зятя?

Хэ Гу на миг задумался... А ведь и правда, не очень-то похоже.

— Фума-дувэй по рангу стоит ниже хоу(маркиз), но выше бо(графа), — продолжал Ван. — Став им, ты превращаешься в знатнейшего родственника короны, но лишаешься всякой реальной власти. Максимум, что тебе доверят — это надзор за какими-нибудь храмовыми обрядами или мелкими церемониями из милости Государя. Если цель — просто найти мужа, зачем Императору устраивать литературные и воинские испытания по таким высоким стандартам? Это же пустая трата талантов. Мне показалось, что весь этот отбор был задуман лишь для того, чтобы заставить нас отступить.

Хэ Гу потер нос:

— Твои слова не лишены логики. Но ведь Император — родной отец Старшей принцессы. Она — его любимица, и то, что он не хочет «бросать жемчужину в грязь», вполне естественно. Ты же видел сегодня, как принцесса поставила на место того выскочку Чжао, указав на слабые места в его трактате? Она же божественно прекрасна и при этом мудра. Было бы преступлением выдать такое сокровище за какого-нибудь дурня-пустозвона, который и пары строк из канонов связать не может.

На лице Хэ Гу снова появилось то самое восторженное выражение, от которого у Ван Мучуаня мгновенно испортилось настроение. Он внезапно передумал продолжать разговор.

Слуга Чжэнъе тоже чувствовал, что его господин в последнее время слишком уж «сияет весенним светом». То, что он не сдерживался даже при втором молодом господине Ване, было неловко. Чжэнъе деликатно закашлялся, намекая наследнику Хэ хоть немного обуздать свои чувства при посторонних.

Но откуда слуге было знать, что это не просто первая любовь шестнадцатилетнего юноши? Это был пожар в старом доме — яростный, неукротимый, который так просто не потушить.

Ван Мучуань понял, что все его доводы бьются о стену слепого оптимизма друга. Ему оставалось лишь замолчать.

Когда экипаж остановился у ворот поместья Ван, он перед выходом бросил на Хэ Гу тяжелый взгляд:

— А что, если Государь так и не объявит о помолвке? Что ты будешь делать?

— Как это возможно? — удивился Хэ Гу. — Слово императора тверже кремня. Неужели он станет обманывать такого мальчишку, как я?

От этого упрямства у Ван Мучуаня даже челюсти свело. Он лишь холодно хмыкнул и, не дослушав дружеское «до встречи», спрыгнул с подножки и скрылся за воротами. Его спина выражала крайнюю степень возмущения.

— Что это с ним? — недоуменно спросил Хэ Гу у слуги. — Какая муха его укусила?

— Второй господин Ван всегда был... особенным, — сухо ответил Чжэнъе.

— И то верно, — согласился Хэ Гу и перестал ломать голову над странностями друга.

Однако слова Вана заставили его задуматься: а что, если Император и впрямь не отдаст ему принцессу?

В прошлой жизни их брак не состоялся, но судьба всё же связывала их. Точнее, его связывала судьба с младшим братом принцессы — третьим принцем Пэй Чжаохэнем...

Когда после смерти старого Императора на трон взошел наследный принц, Чжаохэнь, лечившийся в Цзиньлине, получил титул Кэ-вана (Князя Кэ). В памяти Хэ Гу он остался человеком, совершенно лишенным амбиций. Говорили, что в семь или восемь лет он заболел астмой и, не вынося северных холодов, уехал на юг, где и прожил почти двадцать лет.

По идее, принц, выросший вдали от столицы, не мог соперничать с наследником за любовь отца и не представлял угрозы.

Более того, в прошлой жизни Хэ Гу сам помогал старшему принцу укреплять власть и расправляться с оппозицией. Трон под новым Императором стоял незыблемо. И всё же, в конце концов, император обвинил Кэ-вана в «величайшем непочтении» и приказал Хэ Гу лично отправиться в Цзиньлин, чтобы под конвоем доставить брата в столицу.

Указ гласил «доставить», но тайно Император прошептал Хэ Гу: «Если у Кэ-вана обнаружатся намерения к мятежу — казнить на месте без доклада».

Хэ Гу годами служил ему и прекрасно понимал этот шифр. Император хотел искоренить угрозу, но не желал марать руки, используя верного Хэ Гу как клинок.

Тот Император вовсе не был тем «милосердным и добродетельным» правителем, каким его привыкли считать министры. Его подозрительность была глубже, чем у отца.

Помимо того, что Кэ-ван был сыном императрицы Чэнь, была и еще одна причина.

Кэ-ван и Старшая принцесса были близнецами.

В империи Юэ рождение близнецов считалось дурным знаком. А если близнецы рождались у императрицы, это и вовсе виделось угрозой престолу. Как может Сын Неба спать спокойно, если где-то ходит человек с точно таким же лицом?

Правило «оставить лишь одного» было негласным, но всем известным.

К счастью, принцесса и принц были разнополыми, и борьба за трон принца не касалась, поэтому оба остались живы. Но прорицатели из Астрономического приказа годами капали

Императору на мозги, твердя о «дурных знаменьях» и о том, что близнецы вредят удаче наследника. В конце концов, Императора это доконало.

Так что принца отправили в Цзиньлинь не только из-за слабого здоровья, но и чтобы устранить «фактор нестабильности», пугавший придворных и родного дядю принца — господина Чэня.

Сидя в карете, Хэ Гу вдруг резко раскрыл глаза. Вспоминая те не самые приятные события, которые он старался забыть после перерождения, он наткнулся на одну важную деталь, касающуюся принцессы.

Тогда Кэ-ван получил известие, что его старшая сестра, принцесса, скоростижно скончалась в столице от внезапной болезни. Слуги в Цзиньлине сказали Хэ Гу, что за день до его приезда принц уже сорвался с места и помчался в Бяньцзин на похороны.

Хэ Гу пришлось разворачивать отряд и на пределе сил гнаться обратно. Он настиг Кэ-вана лишь в пригороде столицы.

Он помнил: тайный приказ императора фактически развязывал ему руки. Прикончить «смутьяна» прямо в дороге было куда проще, чем везти в город, где вмешались бы чиновники и цензоры. Но именно тогда произошло нечто, что навсегда изменило взгляд Хэ Гу на ту историю...

Но в тот раз какая-то неведомая сила удержала руку Хэ Гу.

Это был первый случай в его прошлой жизни, когда он не исполнил приказ наследного принца. Именно тогда — из-за этого внешнего повиновения, скрывавшего истинное неподчинение, — в душе нового Императора впервые пустили ростки подозрительность и опаска.

Когда Хэ Гу настиг Кэ-вана, тот ехал налегке с небольшой свитой. Принц был облачен в черное, а его лицо скрывала шляпа-вэймо с густой вуалью. Слуги пояснили: у Его Высочества астма, а в Бяньцзине сейчас стоят крещенские морозы — принц не выносит ледяного ветра, поэтому вынужден закрываться.

Кэ-ван, едва увидев Хэ Гу, сразу догадался о цели его визита.

— Хоу пришел арестовать меня? — спросил он.

Хэ Гу промолчал.

Принц не рассердился на его молчание, лишь бесстрастно добавил:

— Или же... Вы явились по приказу брата-императора, чтобы забрать мою жизнь?

Хэ Гу, чьи намерения были так легко раскрыты, внезапно разжал ладонь, сжимавшую рукоять длинного меча.

...Бывший третий принц, а ныне Кэ-ван, выглядел до того изможденным и слабым, что никак не походил на человека, способного угрожать престолу.

Став императором, его старший брат уже нашел способ известить вдовствующую императрицу; второй принц и его мать, знатная наложница Юань, тоже отправились в мир иной. И теперь он решил до донца истребить собственную кровь — уничтожить последнего болезненного брата.

Глядя на Кэ-вана в его вуали, беспрестанно кашляющего посреди снегопада, Хэ Гу впервые

почувствовал страх перед подозрительностью и жестокостью нового монарха. Он невольно подумал: когда император окончательно укрепится на троне, не обнажит ли он клыки и против него — верного слуги, который помог ему взойти на вершину и теперь держит в руках командование армией?

После долгого молчания Хэ Гу произнес:

— После восшествия нового государя на престол Ваше Высочество не представили поздравительный адрес в течение положенных тридцати дней. Чиновники обвинили Вас в величайшем непочтении. Я лишь исполняю приказ: доставить Вас в столицу для дальнейшего разбирательства.

Кэ-ван, казалось, опешил.

— Вы не убьете меня?

Губы Хэ Гу, потрескавшиеся на ледяном ветру, едва шевельнулись:

— Ваше Высочество слишком мнительны.

Так Хэ Гу конвоировал Кэ-вана в столицу. Всю дорогу он не выпускал из рук рукоять меча, но клинок так и не покинул ножен. Когда они прибыли в город, стояла лютая стужа. У всех встречных носы и уши были пунцовыми от холода, но ладони Хэ Гу так вспотели, что он едва удерживал оружие.

Меч остался в ножнах.

В пути Хэ Гу, терзаемый сомнениями, много беседовал с Кэ-ваном. К своему удивлению, он обнаружил, что этот болезненный принц, годами живший в Цзиньлине, обладал незаурядным умом и глубокими знаниями. Наследник поместья Хэ даже заметил, что их взгляды на многие вещи поразительно схожи — в какой-то момент он даже почувствовал досаду, что они не встретились раньше.

«Не будь он так слаб телом, наследнику пришлось бы бороться за трон не только с Пэй Чжаолинем», — подумал Хэ Гу и тут же горько усмехнулся. Было иронично: он изливал душу и находил родство в человеке, который стал занозой в глазу его господина.

Поскольку Кэ-ван принадлежал к императорской фамилии, до официального приговора с ним нельзя было обращаться сурово. До особого указа его следовало содержать под домашним арестом в загородном поместье под усиленной охраной.

Перед тем как Кэ-ван вошел в дом, он под вуалью чуть склонил голову. Хэ Гу заметил, что принц смотрит на его правую руку, всё еще сжимающую меч.

Кап.

Прозрачная капля пота сорвалась с его ладони и упала на пушистый снег, пробив в нем крошечную талую лунку.

Хэ Гу наконец разжал пальцы.

— ...Я вовек не забуду Вашей сегодняшней милости, — тихо произнес Кэ-ван.

Хэ Гу самоиронично усмехнулся:

— Ваше Высочество преувеличивают. Я лишь исполнил приказ. О какой милости может идти речь?

Он уже развернулся, чтобы уйти, когда Кэ-ван негромко окликнул его в спину:

— ...Цзыхуань.

Хэ Гу замер. В груди всё смешалось. Как странно... С наследным принцем они дружили с юности, но теперь, когда тот стал Императором и называл его по имени, Хэ Гу пробирала дрожь. А Кэ-ван, которого он конвоировал всего два дня, назвал его «Цзыхуань» — и это прозвучало так естественно.

Хэ Гу не обернулся.

— У Вашего Высочества есть еще какое-то дело?

— ... — Кэ-ван помолчал, а затем добавил так тихо, что услышать его мог только Хэ Гу: — ...Мой августейший брат — не тот человек, за которым стоит следовать. Береги себя, Цзыхуань.

Хэ Гу легко рассмеялся:

— Не кажется ли Вашему Высочеству, что мы недостаточно близки для таких откровений?

Но Кэ-ван не обиделся на иронию. Напротив, он добавил:

— ...Если когда-нибудь представится случай, отдай военную власть брату. Не держись за неё. Жизнь важнее. Уходи со службы как можно скорее.

Хэ Гу лишь пренебрежительно хмыкнул и покачал головой. Он вскочил в седло, натянул поводья и бросил на прощание:

— Вашему Высочеству лучше позаботиться о себе. Берегите себя.

Ударив коня пятками, он ускакал прочь во главе своего многочисленного отряда.

Мир вокруг сливался в белое марево. Кэ-ван долго смотрел ему вслед, пока на белом снегу не осталась лишь длинная цепочка неровных конских следов.

<http://bllate.org/book/15879/1616716>